
ВОСПОМИНАНИЯ

Фролов А.И.

«НЕТЛЕНКА. ПРОХОДИМКА. ЭПОХАЛКА»:
СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ОТДЕЛЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ
НИИ КУЛЬТУРЫ 1970–1980-х гг.

Фролов, Александр Иванович—кандидат исторических наук, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Союза писателей России, Москва, Россия, alexander@frolow.ru.

В статье представлены воспоминания автора о работе отдела музееведения Научно-исследовательского института культуры (Москва) в 1970–1980-е гг. Отдел являлся одним из важнейших центров развития отечественного музееведения и в рассматриваемый период вел большую и активную работу, связанную как с теорией, так и с практикой музейного дела. Автор вспоминает коллег, музееведов нескольких поколений, основные издания отдела, общий контекст работы. Уделяется внимание организации исследовательской деятельности отраслевого научного учреждения, условиям работы специалистов-музееведов в позднесоветский период.

Ключевые слова: музееведение, история музееведения, Научно-исследовательский институт культуры, советское музееведение.

“GOOD WORK. ORDINARY WORK. GREAT WORK”:
SOME MEMOIRS ON THE DEPARTMENT OF MUSEUM STUDIES
AT THE RESEARCH INSTITUTE OF CULTURE OF 1970–1980^s

Frolov, Alexander Ivanovitch—Candidate of Science in History, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, member of the Writer’s Union of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, alexander@frolow.ru.

The article presents the author’s recollections of the work of the Department of Museum Studies at the Research Institute of Culture (Moscow) in the 1970s and 1980s. This Department was one of the most important centers for the development of Soviet museum studies, and during this period, it carried out extensive and active work related to both the theory and practice of museum field. The author recalls his colleagues, museologists of several generations, the department’s main publications, and the overall context of its work. The article focuses on the everyday history of organizing scientific research during the late Soviet era.

Key words: museum studies, history of museum studies, the Research Institute of Culture, Soviet museum studies.

Назначение в 1982 г. на должность заведующего отделом музееведения Научно-исследовательского института культуры (ранее—НИИ краеведческой и музейной работы, НИИ музееведения и охраны памятников) стало для меня неожиданностью. Эта инициатива исходила от директора института Таисии Александровны Кудриной.

К этому времени в стенах института у меня уже был опыт исследовательской и организационной работы. В 1973–1982 гг. в должности старшего научного сотрудника сектора Свода памятников культуры мною проводилась работа по выявлению, обследованию и паспортизации объектов, связанных с событиями культурной жизни на территории Карельской АССР, а также Архангельской и Мурманской областей. Работа эта проходила при участии коллективов местных специалистов, в основном краеведов и сотрудников музеев. Численность таких временных творческих коллективов составляла 10–25 человек. На составление Свода памятников, в зависимости от масштабов территории, уходило 3–4 года. Результаты этой работы нашли отражение в научных сборниках НИИ культуры¹.

В эти годы наметилось творческое сотрудничество сектора Свода памятников культуры и отдела музееведения НИИ культуры. Тогдашний заведующий отделом музееведения Юрий Петрович Пищулин (в будущем главный редактор журнала «Советский музей») не раз приглашал участвовать в проведении масштабного социологического исследования «Музей и посетитель», проводившегося в 1970-е гг. во многих регионах страны. Таким образом, мне неоднократно приходилось заниматься социологическими исследованиями в краеведческих музеях Перми, Кирова и других городов России.

Стоить напомнить, что существовала неписанная, но неукоснительно соблюдавшаяся традиция: в отдел музееведения принимать только тех, кто имел практический стаж музейной работы. Требование это было справедливым. Небольшой опыт такой работы у меня был: в 1967–1971 гг., еще будучи студентом историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета, я работал внештатным экскурсоводом Государственного и историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи» (Медвежьегорский район Карельской АССР). Этот период оставил в моей жизни самые светлые воспоминания, позволив расширить культурный кругозор, изнутри изучить организацию деятельности музея-заповедника, познакомиться с профессионалами в области изучения, сохранения и популяризации отечественного культурного наследия².

НИИ культуры — институт ведомственного подчинения. Поэтому при назначении на руководящую должность требовалось согласие Министерства культуры РСФСР. Такая процедура требовала личного собеседования с первым заместителем министра, которым в ту пору был Александр Иванович Шкурко.

Беседа оказалась совсем недолгой, но, как мне показалось, теплой и доброжелательной. В облике моего собеседника не было никакой начальственной спеси, стремления показать важность своей персоны. В короткой беседе речь шла о необходимости помогать местным музеям в организации и проведении научно-исследовательской работы. Никаких претензий к деятельности отдела музееведения высказано не было. В лояльном отношении А.И. Шкурко к НИИ культуры мне приходилось убеждаться и в дальнейшем.

На первых порах моей работы в отделе музееведения нельзя не отметить ту помощь, которую оказывала мне Надежда Николаевна Злацен, опытный методист в области

¹ См.: Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Карельская АССР. Науч. ред. и сост. А.И. Фролов. М., 1977; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Архангельская область. Науч. ред. и сост. А.И. Фролов. М., 1982; Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Мурманская область. Науч. ред. и сост. А.И. Фролов. М., 1983.

² Заметки об этой поре см.: Фролов А. Мои Кижи конца шестидесятых // От первого лица (Сборник воспоминаний о Кижах). Петрозаводск, 2016. С. 86–105.

научно-просветительной работы краеведческих музеев, человек с многолетним стажем работы в отделе музееведения.

Ветераны отдела музееведения

В состав отдела музееведения входили пять секторов, объединявших около тридцати научных сотрудников различной специализации. У каждого из секторов были свои перспективные и текущие планы. Согласно этим планам, заранее планировалось обсуждение подготовленных к выпуску в свет сборников научных трудов. Почти все сотрудники отдела музееведения были мне хорошо знакомы: ведь мы работали в одном коллективе, а с сотрудниками сектора литературно-театральных музеев даже делили общую комнату.

Общение с ветеранами было полезным и поучительным, хотя и не таким глубоким, каким могло бы стать. Казалось, старожилы института никуда не денутся, и более тесное общение с ними все откладывалось и откладывалось. В разговорах с представителями старшего поколения музееведов не раз приходилось слышать фамилии специалистов, чьи знания и навыки служили утверждению авторитета НИИ музееведения (название сохранилось до 1955 г.) и НИИ музееведения и охраны памятников культуры (название сохранилось до 1969 г.). В число «легендарного персонала» входили Александр Дмитриевич Маневский, Николай Михайлович Коробков, Георгий Леонидович Малицкий, Федор Николаевич Петров, Георгий Андреевич Новицкий, Константин Григорьевич Митяев. Все они покинули Институт задолго до того, как мне суждено было переступить порог этого учреждения. К сожалению, их имена почти не встречаются в отечественной мемуаристике.

Названных выше корифеев музейной мысли называю не только по фамилии, но и по имени и отчеству. По странной традиции на страницах научных изданий фигурировали только фамилии и инициалы авторов. И порою «докопаться» до имен почти невозможно, поскольку чести попасть на страницы «Российской музейной энциклопедии» удостоились далеко не все.

В 1970-е гг. еще работали такие «берсеневские старожилы», как Вячеслав Всеволодович Строков, Александр Васильевич Кондратов, Василий Петрович Герасимов, Мендель Павлович Симкин, Павла Ивановна Галкина, Зоя Александровна Огризко, Николай Петрович Лощинин, Михаил Иванович Горелов, Павел Яковлевич Букшпан, Игорь Михайлович Суслов, Дина Исааковна Тверская.

Николай Петрович Лощинин

Помню, мне не раз доводилось добираться до станции метро «Библиотека имени Ленина» по Большому Каменному мосту рука об руку с Н.П. Лошининым. Чаще всего Николай Петрович рассказывал своим попутчикам эпизоды из жизни И.С. Тургенева или, как он выражался, «Ванечки Тургенева». Однажды, остановившись почти посредине моста, он предложил всмотреться в очертания Большого Кремлевского дворца. Оказалось, крылья дворца были не вполне симметричными. С левой стороны внимательному взору бросалась в глаза небольшая прямоугольная в плане пристройка.

Там,—объяснял Николай Петрович,—располагался личный кабинет И.В. Сталина.

Если это правда, можно заключить, что из окон сталинского кабинета открывалась широкая панorama, главными акцентами которой были Дом правительства, Палаты Аверкия Кириллова и корпуса кондитерской фабрики «Красный Октябрь».

В зимнее время Николай Петрович являлся на службу в тяжелом зимнем пальто с коричневым цигейковым воротником и в цигейковой шапке «пирожком». От этой промерзшей шубы во всей комнате на какое-то время было весьма свежо.

Н.П. Лощинин был в свое время одним из ведущих специалистов в области российских литературных музеев.

Михаил Иванович Горелов

В секторе, возглавляемом Н.П. Лощининым, работал историк русского искусства Михаил Иванович Горелов.

Мало кто из представителей старшего поколения с таким вниманием, с такой добросердечностью относился к институтской молодежи, как М.И. Горелов. Делом всей его жизни было изучение творчества С.Ю. Жуковского. Сколько раз он делился своими наблюдениями и размышлениями относительно биографии и наследия этого летописца поздней русской усадебной культуры! Казалось, имя Жуковского никогда не сходило с языка Михаила Ивановича, а его глаза неизменно излучали какую-то безграничную доброту. Создавалось впечатление, что, уходя с работы, он отправлялся не домой, а в мастерскую Жуковского, и приходил на работу, в древние палаты Аверкия Кириллова, не из дома, а из его живописной студии.

Много позже мне посчастливилось приобрести в одном из букинистических магазинов Москвы солидную, энциклопедического формата, в нарядном картонном футляре-коробе, монографию М.И. Горелова, посвященную детальному исследованию жизни и творчества С.Ю. Жуковского. Очень сожалею, что в свое время не оценил по достоинству возможностей более тесно пообщаться с Михаилом Ивановичем, расспросить его о наиболее ярких находках и открытиях как историка отечественного изобразительного искусства.

Запомнилась худощавая, чуть сутулая фигура Михаила Ивановича, излучающие тепло глаза, смотрящие на вас из-под густых бровей. Строгий скромный костюм и галстук — его незыблемый дресс-код.

Каждый понедельник в конце рабочего дня мы всегда наблюдали годами сложившийся ритуал. Михаил Иванович примерно за полчаса до контрольного срока (рабочий день заканчивался в 18 час. 40 мин.) примерно каждые пять минут задавал Николаю Петровичу один и тот же вопрос:

— Пора?

Тот отвечал:

— Попозже.

— Уже скоро.

— Через минуту...

Наконец, раздавался возглас:

— Расставляй!

Из допотопного деревянного шкафа извлекались шахматы, фигуры занимали свои места и начиналась очередная шахматная партия, результат которой оказывался известен только самим игрокам. Можно только гадать, как поздно покидали институт эти увлеченные шахматами музееведы.

Вячеслав Всеволодович Строков

С другим ветераном отдела музееведения, Вячеславом Всеволодовичем Строковым, мне не приходилось общаться непосредственно, так сказать, накоротко.

Помню на каких-то собраниях, посвященных памятным датам Великой Отечественной войны, он порою выступал с краткими воспоминаниями. Ему было, что вспомнить! Ведь он стал свидетелем и участником ожесточенных боев на Невской Дубровке и даже какое-то время числился погибшим...

Сохранился в памяти такой эпизод. Однажды в очереди за зарплатой мы стояли не-подалеку друг от друга. Кто-то из молодежи, зная о биологических познаниях Вячеслава Всеволодовича, стал рассказывать о своей недавней находке: нашли в лесу и взяли себе домой ежика! Пригрели, накормили, проявили заботу.

Строков не впал в умиление, а напротив, раздраженно заметил:

— Вы говорите «нашли»? Поймите и запомните: этого ежа никто не терял! Пусть бы и дальше жил в лесу, в родной природной среде!

Позже я пришел к выводу о том, что в этой фразе заключалось все профессиональное кредо этого замечательного и высоко авторитетного специалиста в области естественнонаучного музееведения и охраны природы 1950–1960-х гг.

Запомнилась характерная фигура Строкова: седая бородка клинышком, атлетическое сложение при сильно сгорбленной спине (последствия фронтового ранения?) и неизменная простая прость в правой руке.

Мендель Павлович Симкин

Как-то в ожидании очередного общего собрания института мне пришлось оказаться в группе самых почтенных сотрудников отдела музееведения. Это были представители старшего поколения, прошедшего «огни, воды и медные трубы» трагических периодов отечественной истории: процессы по делу об убийстве Кирова, большой террор 1937 года, военные испытания, голодные послевоенные годы, «ленинградское дело» и «дело врачей». Представители этого поколения получили навыки в «школе выживания», в первую очередь научились не говорить лишнего, но сохранили способность дальновидно оценивать происходящее в стране, в сфере культуры и в стенах Научно-исследовательского института культуры, т.е. в 1970-е гг.

Из уст ветерана института начала 1970-х гг. Менделя Павловича Симкина как-то не-нареком слетела поистине крылатая фраза: «Мы можем сохраниться лишь при условии, что о нас никто не знает». Имелась в виду и тематика института, и его штатное расписание, и режим работы, предполагавший наличие так называемых «неприсутственных дней», т.е. дней, допускавших работу сотрудников не только в здании на Берсеневке, но и в музеях, архивах, библиотеках.

Как глубоко прав оказался мудрейший Мендель Павлович! С каждым годом увеличивалась численность сотрудников института, открывались новые отделы, росли тиражи издательской продукции и именно эта известность, уже в бытность учреждения под названием Российской институт культурологии (из которого на поворотах истории по чьей-то воле исчезло определение «научно-исследовательский») привела его к скоротечной ликвидации в 2014 г.

Анна Ивановна Михайловская

Анна Ивановна Михайловская большую часть своей жизни посвятила музееведению и отделу музееведения того научно-исследовательского института, который на ее веку не раз менял свое название.

Она работала в отделе до глубокой старости. Многие, думаю, запомнили, как она приезжала к началу рабочего дня на такси, как не без труда, согнувшись, опираясь на прость, потихоньку, с передышками, поднималась по довольно крутой для нее лестнице на второй этаж, к своему письменному столу.

Анна Ивановна была очень уважаема и, вероятно, очень одинока. Будучи одним из немногочисленных в свое время музееведов, дослужившейся до докторской степени

и профессорского звания, она была совершенно лишена ощущения своей значительности, важности, высокого самомнения. Не припомню, чтобы она кого-то поучала, чтобы выступала с какими-то длинными речами. При обсуждении рукописей коллег ограничивалась не развернутым анализом, а скорее итоговыми тезисами.

Аспирантура по музееведению в НИИ культуры едва ли состоялась бы без участия Анны Ивановны.

Человек беспредельной скромности, она была настоящим «героем музееведческого труда».

Музееведы разных поколений

Вернемся в начало 1980-х гг. В эти годы коллектив отдела музееведения складывался из представителей трех поколений — старшего, среднего и младшего. В число первого входили Павла Ивановна Галкина, Вениамин Г达尔ьевич Лурье, Анна Ивановна Михайловская, Дина Акимовна Равикович, Валентина Ивановна Златоустова, Маргарита Андреевна Казарина, Анна Борисовна Закс, Светлана Александровна Каспаринская, в число второго — Элеонора Александровна Павлюченко, Елена Гавриловна Ванслова, Анна Константиновна Ломунова, Унга Михайловна Полякова, Нина Петровна Финягина, Ирина Викторовна Иксанова, Наталья Васильевна Фатигарова, Сталина Федоровна Казакова, в число третьего — Марина Юрьевна Юхневич, Александр Сергеевич Соустин, Юрий Уранович Гуральник, Галина Александровна Кузина, Елена Львовна Галкина, Николай Алексеевич Никишин, Сергей Николаевич Цолин.

К последней группе принадлежали и пришедшие в отдел музееведения из Историко-архивного института Валерий Олегович Седельников и Людмила Ивановна Демина. Забегая вперед, скажу, что именно они склонили меня перейти с исследовательской на преподавательскую работу. В конце 1980-х гг. Историко-архивный институт приступил к подготовке кадров для музеев и была образована кафедра музейного дела.

С В.О. Седельниковым мы общались достаточно тесно. Нас обоих привлекала история того исторического здания, в котором располагался наш исследовательский институт. Мы вместе разработали подробную структуру книги, посвященной этому поистине уникальному историческому и архитектурному памятнику Москвы. Мы завязали отношения с издательством «Московский рабочий», встречались с его легендарным редактором Ю.Н. Александровым. Нашу книгу планировалось издать в серии «Биография московского дома». Будучи написанной, эта книга так и не была издана. На очередном повороте отечественной истории издательство «Московский рабочий», выпустившее сотни полезных и занимательно написанных книг о Москве, было ликвидировано.

Организация научной работы

Деятельность отдела музееведения не сводилась, как это может показаться на первый взгляд, к одной только публикации сборников научных трудов.

Во-первых, солидную долю нагрузки научных сотрудников составляло выполнение оперативных заданий Министерства культуры РСФСР.

Во-вторых, сотрудники отдела периодически принимали участие в различных смотрах, проводившихся под началом вышестоящих организаций.

В-третьих, отдел музееведения самым непосредственным образом участвовал в деятельности республиканского Научно-методического совета по работе музеев.

В-четвертых, время от времени сотрудники нашего отдела входили в состав различных комиссий. Делалось это по прямым указаниям Министерства культуры.

В моем личном архиве не сохранились должностные инструкции заведующего отделом НИИ культуры. Однако опираясь на воспоминания, можно описать следующий круг повседневных забот на этой не очень-то благодарной должности. (Несешь ответственность за всё и за всех в ущерб своей плановой исследовательской деятельности, не говоря уже о каких-то личных научных инициативах (написание монографий, диссертаций, статей в периодической печати и пр.)).

1. Планирование работы. Это касалось текущего и перспективного планирования деятельности секторов и отдела в целом.

2. Организация работы и контроль за ее исполнением.

Планирование проходило в два этапа: сначала составлялись планы секторов, затем верстался план отдела. При этом первостепенное внимание уделялось определению форм «выходной продукции»: подготовка тематического сборника научных трудов, методических рекомендаций, научных отчетов и пр. Вторым по значимости был временной показатель. Единицей планирования выступал квартал.

Организация работы затрагивала две сферы: научно-исследовательскую (проведение научных заседаний, обсуждение научных работ на разных стадиях, рекомендация к публикации тех или иных текстов) и оперативную (текущую организационную). Последняя складывалась из необходимости выполнения многочисленных заданий Управления музеев Министерства культуры РСФСР. Эти задания были самого разнообразного характера: составление справок по состоянию отдельных музеев и профильных групп музеев, подготовка материалов для докладов руководящему составу министерства, участие в деятельности различных комиссий (напр., для проверки подведомственных учреждений, разрешения конфликтных ситуаций и пр.). Порою на оперативную работу уходило до $\frac{3}{4}$ всего фонда рабочего времени, что отрицательноказывалось на выполнении основной, исследовательской по характеру деятельности. Однако не было и речи том, чтобы отказываться от каких-то заданий министерства, как и о том, чтобы самим устанавливать сроки выполнения тех или иных заданий. И чем выше была квалификация того или иного сотрудника, тем чаще ему приходилось работать на «оперативном», а не на «научном» фронте. Чаще всего оперативные поручения сыпались на голову наиболее авторитетных сотрудников. Равномерно распределять оперативную нагрузку среди сотрудников не удавалось, вероятно, ни одному заведующему отделом.

Научный уровень исследований отдела музееведения был, конечно, разным, потому что работали не машины (об искусственном интеллекте знали в ту пору даже не все писатели-фантасты), а люди, причем на их деятельность оказывали влияние самые разные факторы: образовательный и научный уровень, сложность темы (особенно при необходимости использования обширной и разобщенной в пространстве источников базы), сжатые сроки, перегруженность уже упоминавшейся выше «оперативкой», состояние здоровья и др.

Деликатную сферу научных изысканий вообще затруднительно, если не сказать невозможно, по-настоящему результативно контролировать. Ведь для этого следует либо быть постоянным свидетелем выполнения всех научных процедур, либо параллельно решать точно такие же исследовательские задачи. Поэтому оценивался только конечный (или очень важный промежуточный) научный результат.

С этой целью проводились научные заседания, на которых исполнители докладывали о полученных результатах, акцентировали внимание на наиболее важных выводах, отвечали на вопросы. Заседания заканчивались принятием итогового решения: одобрить проделанную работу, рекомендовать статью или сборник научных трудов к печати,

доработать по высказанным замечаниям к определенному сроку и т.п. Все заседания такого рода, как секторальные, так и общеотдельские, проходили конструктивно, в доброжелательной атмосфере. Не было случая, чтобы какую-то разработку подвергали несправедливой и некорректной по форме критике, оценка работы никогда не переходила на оценку компетентности, добросовестности исполнителя.

Редкие исключения составляли заседания с участием представителей Управления музеев Министерства культуры РСФСР. Порою чересчур резкими и не всегда аргументированными бывали оценки начальника этого управления Ады Васильевны Бартковской. Однако случалось это довольно редко, хотя запоминались эти «выволочки» надолго.

Благоприятный климат в научном коллективе дорогого стоит. С этим, по-видимому, согласится каждый, кто сам когда-то был членом научного коллектива.

Таким образом, процедура оценки итогов научной работы была довольно простой и понятной. К счастью, в 1980-е гг. еще не было засилья наукометрических походов, т.е. попыток бюрократов приравнять деятельность научного учреждения к деятельности промышленного предприятия.

В большинстве случаев искренне увлеченные своей работой, своими темами, мы не предвидели тех несุразностей, которые пришли в отечественную науку под флагами «индекса Хирша» или других совершенно формальных и по существу абсолютно лукавых показателей.

За годы работы в отделе на моих глазах было благополучно завершено исследование десятков научных тем, актуальных для российской музейной отрасли. В российские музеи были направлены многочисленные сборники научных трудов и тексты методических рекомендаций. Не помню случая, чтобы из музеев в наш адрес поступали какие-то негативные, а тем более—разгромные отзывы.

В задачу настоящего очерка не входит написание историографического обзора, анализ важнейших публикаций отдела музееведения. Это работа иного характера, причем, как это не покажется удивительным, работа, уже не раз привлекавшая внимание современных исследователей.

Секретари

Научная деятельность всегда предполагает много черновой и незаметной для неискушенного человека работы. Выполнение такой работы в отделе музееведения падало в основном на плечи заведующего отделом, заведующих секторами и лаборантов.

Самых теплых слов благодарности заслуживали девушки-секретари—Ирина Дон и Ольга Прудникова.

В их обязанности входило ведение делопроизводства по весьма широкой номенклатуре документов, переписка, ведение протоколов, прием телефонограмм, отправление почтовой корреспонденции, «обзвон» сотрудников по тому или иному поводу и т.п. И все это годами Ирина и Ольга делали своевременно и безукоризненно. На них можно было положиться в любом серьезном деле и быть уверенным: «Не подведут!»

Обе были в высшей степени обходительны и симпатичны. Ирина мне чем-то напоминала персонажей полотен С. Боттичелли, а Ольга порою казалась родной сестрой серовской «Девочки с персиками».

Старые стены отдела музееведения

Отдел музееведения занимал несколько комнат на втором этаже бывших Палат Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной (рис. 1) рядом с Домом на набережной

(Домом правительства). Самая большая комната своими окнами смотрела на расположенную рядом церковь и знаменитый элитный дом.

Рис. 1 Здание НИИ культуры на Берсеневской наб., г. Москва

До того, как здесь разместился отдел музееведения, эти помещения повидали на своем веку и архивные стеллажи (Сенатский архив), и сенатских курьеров, и заседания Московского императорского археологического общества, и специалистов Центральных государственных реставрационных мастерских, и жильцов из числа обслуживающего персонала Дома правительства.

Никакой старины эти старые стены в результате многочисленных перестроек не сохранили. Единственным напоминанием о прошлом были небольшие старинные часы фирмы Павла Буре, висевшие в самой большой комнате прямо против входной двери.

Что удивительно: среди сотрудников отдела музееведения было немало людей с высшим историческим образованием, кандидатов и докторов исторических наук, однако никто из них не проявлял внимания к истории институтского здания. До сих пор не могу найти этому никакого объяснения. Ведь эти стены, это наше помещение в свое время служили залом заседаний Императорского Московского археологического общества, здесь раздавались голоса супружеской четы графов Уваровых, Алексея Сергеевича и Прасковьи Сергеевны, их верных сподвижников — Ивана Егоровича Забелина, Василия Осиповича Ключевского, Сергея Михайловича Соловьева, Аполлинария Михайловича Васнецова, Ивана Павловича Машкова и многих других.

На старинное здание наших палат мое внимание впервые обратили сотрудники расположенных в Москве зарубежных посольств. Они, как ни покажется удивительным, мимуя городское экскурсионное бюро, интересовались старинной архитектурой, периодически устраивали обзорные экскурсии по городу. Их взор не миновал и палат Аверкия Кириллова. По их просьбе мною были подготовлены первые экскурсии по комплексу

старинных палат. Примечательно, что посольские экскурсанты приезжали не на привычных в таких случаях автобусах, а на веренице из полутора десятков легковых автомобилей разных марок.

Иногда забредали к нам и отечественные любители старины. Им тоже приходилось немного рассказывать о прошлом старых палат.

Ко мне не раз обращался за консультациями журналист и москововед Михаил Коршунов, близкий друг писателя Юрия Трифонова, одного из известных жильцов Дома на набережной.

Научная библиотека

Библиотека НИИ культуры покоряла не численностью своих фондов, а своей особенной аурой. Эта аура складывалась из нескольких составляющих.

В зданиях, принадлежавших НИИ культуры, библиотека не раз перемещалась с места на место. Но всякий раз книги водружались на серые стальные стеллажи, уходившие к самому потолку, между стеллажами оставались узкие проемы, в которые едва-едва помещались металлические лестницы-стремянки.

Могу ошибаться, но мне кажется, что исчерпывающего карточного каталога своего собрания эта библиотека в 1970–1980-е гг. не имела. Поэтому имелась возможность поиска нужных изданий не по каталожным карточкам, а натурано, т.е. непосредственно в книгохранилище.

С одной стороны, это было хлопотно, потому что поиски нужной книги могли длиться часами. С другой стороны, часы, проведенные в этой библиотеке — это время ни с чем не сравнимого наслаждения!

Общение с книгами и периодическими издания происходило здесь без посредников. Любая заинтересовавшая книга тотчас оказывается в твоих руках, эту книгу здесь можно листать, можно читать, можно рассматривать иллюстрации или приложения в виде таблиц, рисунков, географических карт. И никто тебя не одернет, не поторопит, не осудит. Настоящий рай для книжника.

Нет ни возможности, ни необходимости перечислять здесь все книжные раритеты этой библиотеки. Но о некоторых не сказать просто нельзя.

В первую очередь это, вероятно, исчерпывающее по полноте собрание крупноформатных печатных изданий Императорского Московского археологического общества (ИМАО). Это «Древности», это труды Комиссии по сохранению памятников, труды Восточной, Славянской и Археологической комиссий, также Комиссии по изучению старой Москвы. Это были преимущественно издания большого формата, отпечатанные на лучшей бумаге в лучших типографиях своего времени.

Воображение специалистов покоряли полное собрание «Трудов» археологических съездов, комплекты знаменитых журналов дореволюционного периода: «Этнографическое обозрение», «Русская старина», «Исторический вестник», «Аполлон», «Золотое руно», «Старые годы» и др.

Освещалось хранилище тусклыми изрядно запыленными лампочками, в помещениях тут было жарко в самые студеные зимние дни, читать приходилось стоя на стремянке. Но все эти неудобства меркли на фоне привлекательности открытого доступа к десяткам тысяч изданий дореволюционного периода.

Кстати сказать, любую книгу и любой журнал любой читатель мог взять для прочтения домой, причем сроки пользования книгами не регламентировались.

Оглядываясь назад и вспоминая эту библиотеку, всякий раз погружаюсь в состояние былого блаженства.

Научный архив

Забыть о мирской суете побуждал Научный архив института. В нем всегда царила нерушимая тишина. Волшебное место: ведь передача материалов в архив — это передача в «лоно Вечности». Архив какое-то время располагался в здании церкви. В этом тоже была определенная символика.

Здесь, в удалении от повседневной институтской суеты, царила Татьяна Александровна Пархоменко, принимая на хранение отчеты научных подразделений и научных сотрудников.

Каждый раз, сдавая свой индивидуальный отчет за прошедший год, я ловил себя на мысли, что сдаю не кипу бумаг и бумажек, а частицу самого себя.

Не знаю, как в дальнейшем сложилась судьба всего того, что было передано в руки историка-архивиста Т.А. Пархоменко. Вероятно, что-то уцелело. Правда, не в архиве НИИ культуры, а в архиве его преемника Института наследия.

Музейные объединения

В конце 1970-х гг. началась широкомасштабная кампания по реорганизации российских краеведческих музеев, надолго внедрившая в практику многих регионов термин «музейное объединение». По существу, это была одна из новых форм организации музейной сети и управления музеями.

Инициатива эта возникла снизу и довольно быстро «покорила» умы российских руководителей культуры, в том числе заместителя министра культуры В.М. Стриганова, уже не один год продвигавшего идею централизации российских библиотек.

Анализу деятельности музейных объединений была подчинена почти вся тематика отдела музееведения 1980-х гг.

Большое внимание уделялось малым музеям, в частности, районным краеведческим музеям.

Важнейшими задачами объединений являлись: координация научно-исследовательской, фондовой, просветительной, финансовой деятельности музеев, входивших в состав объединения; создание на основе научных концепций и генеральных планов развития единых систем экспозиций объединений; перспективное планирование и рациональная организация туристских потоков.

Исследования велись в тесной связи с самими музейными объединениями. Особенно деятельным было сотрудничество с Новгородским и Тверским объединенными музеями. Хорошие деловые контакты сложились у нас с их руководством — Людмилой Ивановной Ярош и Израилем Моисеевичем Бружеставицким.

В первой половине 1980-х гг. отдел музееведения успешно работал над созданием одного из наиболее привлекательных филиалов Тверского государственного объединенного музея — Музея природы Селигерского края в селе Рогожа Осташковского района. Много сил этому проекту было отдано старшим научным сотрудником НИИ культуры Ириной Викторовной Иксановой.

Громкая слава выпала в те годы Владимиру-Сузdalскому государственному музею-заповеднику во главе с Алисой Ивановной Аксеновой.

Хочется сказать, что сотрудники этого музея-заповедника всегда радушно принимали своих коллег, приезжавших к ним для знакомства с заслуживавшим внимания опытом.

Помню, как по завершении одного из совещаний они устроили сюрприз. Всех гостей, а таковых были многие десятки, привели в яблоневый сад, усадили за простые тесовые столы и щедро напоили чаем с вкуснейшими пирогами. А еще запомнились завораживающие глаз натюрморты из спелых яблок и угождение нежинской рябиной, которую невозможно сыскать нигде, кроме как на Владимирщине.

Координация научно-исследовательской работы музеев

С темами, посвященными деятельности музейных объединений, были тесно связаны проблемы организации и координации научно-исследовательской работы музейных учреждений. Этой проблематикой, постоянно находившейся в поле зрения Управления музеев Министерства культуры РСФСР, в отделе музееведения занимался специальный сектор.

Задача ставилась непростая: на основе заявок «с мест» составить сводный (единий) план исследований краеведческих музеев России. В результате в отделе музееведения постепенно формировалась поистине бесценная источниковая база, убедительно свидетельствовавшая о научном характере деятельности музея как такового. К сожалению, со временем у руководства министерства интерес к этой теме постепенно угас.

Организации и планированию научной работы музеев, разработке модели НИР музеев отдел музееведения посвятил целый ряд своих разработок 1980-х гг. Особенно много внимания этому направлению уделяла заместитель директора НИИ культуры по научной работе Наталья Рудольфовна Павлова.

С Н.Р. Павловой отдел музееведения был связан самым тесным образом, возможно, как ни с одним из ее предшественников-руководителей института. Любимой работе она отдавала все свои силы, первой приходила и последней уходила из института. Не знаю, случались в нашей стране музееведы, которые, подобно ей, спали всего 4 часа в сутки!

Кабинет Павловой располагался неподалеку от директорского и навеки запомнился своими крошечными размерами. Между единственным небольшим оконцем и дверью стоял однотумбовый письменный стол, перед ним — стул для собеседника. Площадь этого «начальственного» кабинета составляла примерно 5 квадратных метров. Но на это ни сама хозяйка, ни ее подчиненные, в число которых несколько лет входил пишущий эти строки, не обращали внимания. Эта комнатенка всегда была полна идей, размышлений, энтузиазма. Между прочим, именно здесь возникла идея создания «Советской музейной энциклопедии», по понятным причинам со временем изменившей свое первоначальное плановое название и получившей всемерную поддержку тогдашнего директора НИИ культуры Вадима Борисовича Чурбанова. По его указанию энциклопедия была тотчас внесена во все текущие и перспективные планы отдела.

«Российская музейная энциклопедия» вышла в свет в 2001 г.³, когда ни Н.Р. Павлова, ни я уже давно не работали в НИИ культуры. Создавалась она мучительно долго. Однако стала не очередным справочником, а тем изданием академического характера, которое смогло аккумулировать в себе все достижения отечественной музеведческой мысли за весь период ее зарождения и развития.

Научно-методический совет по работе музеев Министерства культуры РСФСР

Провинциальные музеи России никогда не претендовали на благополучие. Нередко они ютились в совершенно неприспособленных зданиях, не получали современного

³ См.: Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др. М., 2001. Т. 1–2.

технического оборудования, зарплата музейных работников всегда оказывалась где-то в самом низу. Десятилетиями не возникал вопрос о вузовской подготовке музейных кадров. Поэтому музейные знания и навыки приобретались не в учебных аудиториях, не на кафедрах и факультетах, а чисто практически, в процессе работы.

Довольно долго не было и учебников, которые могли оказать помощь сотрудникам музеев в процессе самостоятельного освоения музейных знаний.

Своего рода «школой» для музейщиков призван был стать созданный в 1977 г. Начально-методический совет по работе музеев Министерства культуры РСФСР. В него вошли специалисты профильных наук и музееведы.

Этой теме было посвящено общее собрание отделения истории Академии наук СССР. В результате было принято решение «О сотрудничестве с музеями исторического профиля».

По инициативе Совета через определенные промежутки времени в разных городах страны (чаще всего в республиканских и областных центрах) устраивались своего рода научные сессии, на которых с докладами и сообщениями выступали ведущие ученые и практические работники. Завершая свою работу, совет принимал текст научно-методических рекомендаций по рассматривавшимся вопросам (фондовая работа, построение экспозиций и выставок, экскурсионная практика и т.п.).

Рекомендации составлялись заранее. За это отвечал отдел музееведения. Сначала составлялись самые краткие тезисы, затем происходили их конкретизация и доработка. Содержание этого документа во многом зависело от тематики и содержания пла nirovавшихся докладов, т.е. от программы всего мероприятия. Чаще всего работа над этим ответственным, хотя и не очень большим по содержанию текстом, проходила «порусски», т.е. в самую последнюю минуту, заметно напрягая и возбуждая всех составителей.

Напряжение неизменно снимал председатель Совета профессор Владимир Зиновьевич Дробижев, заведующий кафедрой отечественной истории Московского государственного историко-архивного института (ядра будущего РГГУ).

Обладая широкими знаниями и богатым практическим опытом (в течение многих лет он работал заместителем главного редактора журнала «История СССР», был профессором исторического факультета МГУ и членом экспертного Совета ВАК по истории), он внимательнейшим образом читал разработанный в отделе проект рекомендаций. После этого, не тратя времени на вопросы и замечания, самолично проводил у нас на глазах всю необходимую правку.

Поэтому мы, составители, находились у Владимира Зиновьевича, как за каменной стеной. К сожалению, он безвременно ушел из жизни в 1989 г., не дожив и 60-ти лет.

Музей и власть

«Музей и власть» — так называлась коллективная монография, броское название которой придумал директор НИИ культуры В.Б. Чурбанов⁴. Речь в ней шла об истории государственной музейной политики. Основными исполнителями были С.А. Каспаринская (период до 1917 г.), В.И. Златоустова, Н.В. Фатигарова и Г.А. Кузина (период с 1917 по 1970-е гг.). Этот труд, получивший немало положительных откликов, стал продолжением известной серии очерков истории музейного дела России, подготовленных Институтом музееведения еще в 1960–1970-х гг.

⁴ Музей и власть: Сборник научных трудов. Отв. ред. С.А. Каспаринская. М., 1991. Ч. 1–2.

Эта работа позволила небольшому авторскому коллективу получше узнать друг друга, делиться накопленными опытом и навыками.

С.А. Каспаринская была в эту пору «живым классиком» в изучении прошлого российских музеев. Она досконально знала историографию и источниковую базу своей темы, убедительно проводила анализ архивных и литературных источников.

Занимаясь изучением российских историко-революционных музеев, Светлана Александровна была, вероятно, единственной из наших соотечественников, кто в своей жизни сумел внимательно изучить все без исключения музеи такого рода, причем не по литературе или отчетам, а вживую, во время служебных командировок.

В отделе любили рассказывать о том, как С.А. Каспаринской в результате своей неустанной исследовательской деятельности удалось обнаружить в российских музеях шесть (!) демисезонных пальто, бывших на плечах В.И. Ленина в день покушения на него 30 августа 1918 г.

Все написанные С.А. Каспаринской статьи отличались хорошо продуманной структурой и ясным, без лишнего научного обрамления, литературным языком.

На нас, ее коллег, большое впечатление оказывали рукописи Светланы Александровны. Уместно подчеркнуть, что это были рукописи в прямом смысле этого слова, т.е. листы бумаги формата А4, несшие на себе ровные, написанные отчетливым, легким для прочтения, почерком, строки. Но удивляло другое. Взявшись за перо, Светлана Александровна могла одну страницу за другой писать начисто, без исправлений и каких-либо помарок, вставок, переносов слов и абзацев. Секрет заключался в том, что весь текст хорошо продумывался заранее, а редактура происходила не на бумаге, а в голове.

Совместная работа позволила ближе познакомиться с Натальей Васильевной Фатигаровой, которая пришла в отдел музееведения из Центрального музея вооруженных сил СССР, где занималась хранением коллекций. Она не раз вспоминала эпизоды своей борьбы с вредителями музейных предметов, готовыми превратить буквально в пыль практически любую реликвию из дерева, ткани, кости. У меня долгие годы хранились продолговатые стеклянные флакончики из-под пенициллина, где нашли свой покой мелкие, но по-звериному прожорливые и бессовестные твари. Нетрудно догадаться, что это был дар Натальи Васильевны: как говорится, врагов следует знать в лицо.

В отделе музееведения Наталья Васильевна добросовестно и плодотворно занималась разной тематикой. Помню, мы вместе составляли двухтомный аннотированный указатель публикаций отдела музееведения. Нам пришлось перечитать сотни статей. Честно сказать, не от всего прочитанного мы остались в восторге. И тогда условились вставлять в аннотации сомнительных по содержанию публикаций три простых слова: «По мнению автора».

Вероятно, к своего рода «классике» музееведческой мысли можно отнести исследование Н.В. Фатигаровой, посвященное проблемам сохранения российских музейных коллекций в годы Великой Отечественной войны. Прошло много лет с момента публикации ее работы, а ссылки на нее до сих пор встречаются в трудах современных исследователей.

Другим сотрудником, отличавшимся, как и Наталья Васильевна, высокой требовательностью к себе и своей научной работе была Галина Александровна Кузина.

Не было, вероятно, случая, чтобы она не выступала на обсуждении рукописей своих коллег. Ее суждения всегда опирались на хорошее знание источника, серьезную историческую подготовку, на стремление к объективной оценке, невзирая на формальные

обстоятельства (наличие ученой степени, стаж научной и практической деятельности, сжатые сроки работы и пр.). Можно было не во всем соглашаться с Галиной Александровной, но нельзя было не уважать и не ценить ее четко сформулированной позиции, ее мнения как специалиста. К тому же она обладала высокой культурой устного выступления, слушать ее всегда было интересно, ее суждения никого не оставляли равнодушными.

Перу Г.А. Кузиной принадлежит одно из лучших исследований, посвященных истории российских музеев 1920-х гг. Все это исследование построено на обильном фактическом материале, материале крайне разнообразном и нередко остро драматичном. Приходится только удивляться тому, сколько откровенных безобразий, некомпетентности, недобросовестности испытали на себе отечественные музеи. Научное исследование было выполнено в установленные сроки и в запланированном объеме. Однако полученный негативный заряд привел к тому, что Галина Александровна напрочь отказалась от продолжения работы по этой теме.

О том, насколько профессионально работала Г.А. Кузина в отделе музееоведения, напоминает цикл ее содержательных статей, опубликованных на страницах Российской музейной энциклопедии.

Островок музейной культуры

Елена Гавриловна Ванслова запомнилась как человек неиссякаемой энергии. Этой энергии хватало не только на научную, но и на разного рода организационную работу. Жизнь вокруг Вансловой не текла, а кипела. И причиной этого кипения была она сама, ее увлеченность вопросами музееоведения и музейной культуры.

Е.Г. Ванслова не комплектовала музейные коллекции, не строила новые экспозиции, она мечтала о том, чтобы ко всем музейным коллекциям и ко всем музейным экспозициям «не заастала народная тропа».

Все текущие вопросы с заведующей сектором Е.Г. Вансловой решались легко, без всякого промедления, без долгих размышлений и занудных обсуждений. Больше того, решались не в тиши кабинетов, а стоя где-нибудь в коридоре. Она была, пожалуй, как никто далека от любых проявлений бюрократизма. Ее энергия, ее «электрическое поле» целиком поглощали любого ее собеседника, любого партнера по решению общей задачи.

В области музейной педагогики, особенно в сфере работы музеев с младшими школьниками, вклад Е.Г. Вансловой велик и неоспорим.

Воспитание музейной культуры — это проблема, над решением которой не один год работала Анна Константиновна Ломунова, человек обширных филологических знаний, к которой с нескрываемым уважением и симпатией относились все без исключения сотрудники отдела музееоведения.

Можно долго перечислять достоинства этой очень скромной и очень обаятельной женщины. Запомнились ее выступления на обсуждении научных статей, сборников научных трудов, индивидуальных отчетов сотрудников отдела музееоведения. Все они были конструктивны, доказательны и являли собой пример глубокой, полезной и одновременно благожелательной критики. —

— Вы, — обращалась Анна Константиновна к автору очередной музееоведческой статьи, — написали очень нужную, очень важную статью. Однако, — продолжала она, — статья, как мне кажется, могла бы стать еще лучше при соблюдении некоторых условий...». Далее шли конкретные предложения, со многими из которых просто нельзя было не согласиться.

Анна Константиновна сама была воплощением высокой музейной культуры и культуры вообще, в самом широком смысле этого слова.

Трудно забыть внимательный, излучавший недюжинный ум и доброту взгляд А.К. Ломуновой. Ее беседу с собеседником всегда согревала легкая доверительная улыбка.

В присутствии Ломуновой все вокруг становились чуть внимательнее, добре, сердечнее.

В 1980-е гг. стало раскрываться музееведческое дарование Марины Юрьевны Юхневич, одной из ближайших сподвижниц своего руководителя, заведующей сектором Е.Г. Вансловой.

За годы совместной работы не раз приходилось вместе с М.Ю. Юхневич (в рабочем обиходе просто Мариной) выезжать в служебные командировки, вместе участвовать в проведении в музеях страны социологических исследований. Вспоминаются совместные поездки в Великий Новгород, Тобольск, Смоленск, Пермь. Неизменная доброжелательность, общительность в сочетании с искренней увлеченностью в проведении разных научных процедур делали Марину желанным участником в решении любых научных и организационных задач, в том числе проведения так называемых «полевых» исследований.

В своих профессиональных суждениях Марина нередко с нескрываемым пietетом упоминала Леонида Васильевича Беловинского, ученика профессора П.А. Зайончковского, известного историка, музееведа и москововеда.

Кроме всего прочего, с Мариной нас объединяла привычка систематически с утра до вечера работать в залах Российской государственной библиотеки. Мы обыкновенно располагались за разными столиками (мне всегда больше нравился третий ряд справа от прохода), а общались у перил парадной лестницы в протяженном проходе у каталожных ящиков алфавитного каталога и каталога периодических изданий.

Кстати сказать, этот довольно длинный переход вдоль каталожных ящиков был излюбленным местом «творческих прогулок» заведующего отделом музееведения 1970-х гг. Юрия Петровича Пищулина. Глубоко погрузившись в свои раздумья, он мог часами мерить своими широкими шагами этот всегда оживленный библиотечный переход. Так что это пространство можно, вероятно, отнести к числу своеобразных «музейных лабораторий» своего времени.

Голодные тигры Московского зоопарка

В середине 1980-х гг. не было голода, но повсюду, и Москва в этом не исключение, ощущались трудности с продуктами. Помню, что одно время в гастрономе Дома правительства (Дома на набережной) витрины были заставлены пластмассовыми баночками... с канцелярским kleem.

Продовольственная проблема коснулась не только москвичей, но и обитателей московского зоопарка. Доходило до того, что директор зоопарка В.В. Спицин с сотрудниками в конце дня ходили на Тишинский рынок, чтобы принести оттуда выброшенные продавцами зелень и овощи.

Труднее всего оказалось накормить тигров. Примечательно, что поисками для них мяса занималась одна из сотрудниц сектора музеев природы отдела музееведения Татьяна (фамилии, к сожалению, не помню). Таким образом, не будь отдела музееведения, судьба этих хищников сложилась бы самым драматическим образом.

Пушкинский заповедник, Российский фонд культуры, Отдел музееведения НИИ культуры

В адрес отдела музееведения еженедельно приходила обильная почта. Присылались издания российских музеев, методички и методические письма. Приходили и жалобы.

Особенно много критической корреспонденции одно время поступало из Псковской области.

Выстраивалась следующая цепочка: Пушкинский заповедник — Российский фонд культуры — Отдел музееведения НИИ культуры.

Разного рода критике подвергались экспозиции Пушкинского заповедника. В этих экспозициях, по мнению авторов писем, сотрудников данного музея и простых посетителей, не хватало подлинных музейных предметов, свидетелей и участников исторических событий, царили субъективизм и формализм, наблюдалась недооценка технического оснащения.

Во многих письмах критические стрелы были обращены в адрес тогдашнего директора заповедника — С.С. Гейченко. Однако авторитет и связи этого руководителя были столь обширны и значительны, что все критические сигналы годами уходили «в песок».

Знакомство, которое так и не состоялось

Как-то проходило крупное совещание музейных работников во Пскове. После заслушивания многочисленных докладов и сообщений была запланирована экскурсия в Пушкинский заповедник, поездка к Гейченко, как тогда говорили.

Поездка состоялась. Состоялась и экскурсия. Вот только сам Гейченко группу музейных работников так и не почитил своим вниманием: то ли был очень занят, то ли нездоров. В результате гостям был показан только его небольшой деревянный домик с плотно закрытой дверью.

Аспирантура

Организация аспирантуры, о которой давно мечтали в отделе музееведения, заняла годы, ушедшие на хождение по инстанциям и написания многочисленных объяснений и ходатайств. Всю эту немыслимую работу выполнил ученый секретариат института. Наконец, все формальности остались позади, начались наборы в аспирантуру и заседания диссертационного совета.

В конце 1980-х гг. в системе ВАК была учреждена диссертационная специальность «Музееведение, консервация, реставрация и хранение художественных ценностей», в 1995 г. она получила новое наименование «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов».

Одновременно в российских университетах стали открываться кафедры музееведения.

Самые теплые воспоминания оставили по себе первые аспиранты Елена Константиновна Дмитриева, Елена Николаевна Мастеница, Валентин Павлович Арзамасцев. Все они произвели самое благоприятное впечатление еще на вступительных экзаменах, а в дальнейшем показывали своим отношением к учебе, науке хороший пример всем остальным.

Е.Н. Мастеница посвятила свою диссертацию истории литературных музеев Ленинграда (1917–1985 гг.), а Е.К. Дмитриева — вопросам интерпретации историко-культурного наследия в экспозициях мемориальных музеев.

Аспиранты значительно омолодили собирательное лицо отдела музееведения, сделали это лицо еще более симпатичным и привлекательным.

Отдельно стоит сказать о самом заслуженном аспиранте отдела музееведения, которым, без сомнений, был директор Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А.А. Блока «Шахматово» В.П. Арзамасцев.

С Валентином Павловичем приходилось не раз общаться и в стенах НИИ культуры, и в возглавляемом им музее. В «Грудах» музея-заповедника в 1980-х гг. по инициативе отдела музееведения и при поддержке В.П. Арзамасцева был опубликован в переводе на русский язык учебник швейцарского музеолога Клода Лапера «Краткий курс музеологии». Сделано это было как нельзя кстати, поскольку в ряде высших учебных заведений страны уже начиналась работа по созданию кафедр музееведения.

Музей А.А. Блока создавался в Московской области долго, много лет. Поэтому его открытия все ожидали с нетерпением. Помню, как шокировал меня ответ В.П. Арзамасцева относительно затянувшегося перевоза на территорию заповедника восстановленного главного дома мемориальной усадьбы (Этот деревянный дом по сохранившимся источникам был восстановлен в Солнечногорске).

— Сегодня мы его разберем и перевезем на музейную территорию, а завтра местные жители растащат его на свои дачи и на дрова,— с какой-то безнадежной горечью в голосе заметил В.П. Арзамасцев.

Стоит пояснить, что в ту пору на заповедной территории не было ни одной исторической постройки. Сохранились только одичавшие остатки фруктового сада да почти сравнявшаяся с землей дерновая скамья. На месте давно сгоревшего дома под ногами местами попадали под ноги обгоревшие кирпичи фундамента.

— Будем перевозить сюда дом только после того, как удастся организовать рядом круглосуточный наряд милиции,— заключил В.П. Арзамасцев.

Можно только догадываться, каких усилий, какого драгоценного времени стоило Валентину Павловичу обретения этого поста охраны...

Помню день, когда Валентин Павлович сдавал в НИИ культуры свой кандидатский экзамен по специальности. Ему в ту пору было уже много за пятьдесят, поэтому рядовая, казалось бы, процедура, повергла его в сильнейшее волнение. Не забуду, как нервно дрожали кисти рук этого уважаемого человека, державшие обстоятельно написанные ответы на экзаменационные вопросы... У нашей экзаменационной комиссии, разумеется, не было плана никого из поступающих «заваливать», тем более известного директора литературно-мемориального музея. Арзамасцев сдал свой экзамен на «отлично».

Бездомный Пушкин

Оперативная научная работа, т.е. неотложная работа по заданию Управления музеев Министерства культуры РСФСР, нередко подразумевала участие сотрудников отдела музееведения в деятельности конфликтных комиссий.

Запомнился один из таких конфликтов, имевший место в 1980-е гг. Он назрел в одном из лучших литературных музеев СССР—Всесоюзном музее А.С. Пушкина (ВМП).

Известно, что с июня 1967 г. этот музей располагался в церковном флигеле Екатерининского дворца в г. Пушкине. Уместно напомнить, что экспозиция под названием «А.С. Пушкин. Личность, жизнь и творчество», концепция которой была разработана С.С. Ландой, была развернута на трех верхних этажах в 27 залах.

В 1980-е гг. встал вопрос о проведении в Екатерининском дворце реставрационных работ. В связи с этим все экспозиционные комплексы были временно демонтированы.

Когда ремонт закончился, выяснилось, что руководство Государственного музея-заповедника «Царское Село» возражает против возвращения во дворец одной из лучших литературных экспозиций России. Этую экспозицию было рекомендовано переместить в Ленинград, на Мойку, 12, в дом, где располагалась последняя квартира А.С. Пушкина.

Возникла конфликтная ситуация. Одних сотрудников ВМП такой вариант вполне устраивал, другие считали его неприемлемым. В разные инстанции посыпались письма и жалобы.

Несмотря на многочисленные аргументы по сохранению музея на прежнем месте, местное руководство, не без поддержки руководства республиканского, все же настояло на перемещении пушкинской экспозиции, что повлекло за собой разработку нового экспозиционного плана, проведение реконструкции исторического знания, на что ушло немало времени. Музей, таким образом, не досчитался сотен тысяч посетителей.

Работа в комиссии позволила близко познакомиться и навсегда сохранить самые теплые чувства ко многим научным сотрудникам музея, близко к сердцу принявшим сложившуюся ситуацию.

Фамилии без имен

На слуху у сотрудников института, особенно это касается дирекции, всегда были три фамилии ответственных работников аппарата ЦК КПСС: Пашина, Костецкого и Жуковой. Нам, сотрудникам отдела музееведения, встречаться с ними не приходилось, но в разговорах начальства они упоминались постоянно. Сейчас даже кажется, что все руководители института, разговаривая с ними по телефону, инстинктивно замирали, и их лица бледнели.

Особенно часто всплывала фамилия Пашина. Слава Богу, претензий этого партийного босса в адрес сотрудников и трудов отдела музееведения не было. Скорее, этой фигурой нас пугали точно каким-то сказочным всесильным героем.

С другим партийным функционером высокого ранга, Костецким, заведующим секретором отдела пропаганды ЦК, сотрудников отдела музееведения судьба однажды свела, что называется, лицом к лицу. Поводом послужил юбилей НИИ культуры, который отмечался, если не ошибаюсь, в мае 1982 г.

В конференц-зале, в просторной комнате с видом на Москву-реку, была развернута выставка по истории института. На кубических подиумах разместили прозрачные пластмассовые полусфера, а под ними — разного рода документы. Вещевой ряд, если таковой и был, совершенно не запомнился.

Сопровождала высокого гостя директор института Т.А. Кудрина, дававшая краткие пояснения и пребывавшая в нескрываемом волнении.

Почему своим вниманием в этот день почтил институт именно Костецкий, по каким причинам публично поздравить институт с юбилеем не сочли нужным руководители министерства — министр, его замы, начальники управлений — по сей день остается для меня загадкой.

Что запомнилось — так это выражение лица Костецкого. Оно было наполнено и даже переполнено вызывающим высокомерием, почти презрительностью. Точно перед осмотром выставки его наполнили какой-то горькой микстурой.

Прослушав краткую экскурсию, высокий гость, не задав ни единого вопроса, не поблагодарив создателей выставки (а этим, легко догадаться, занимались как раз сотрудники отдела музееведения), удалился все с той же миной на лице в кабинет директора.

Вся эта церемония оставила тягостное впечатление и совершенно не соответствовала юбилейной дате.

«Как-то получилось, — признается в своих воспоминаниях один из аппаратчиков ЦК, — что партийные деятели разного калибра за многие годы привыкали выдавать

желаемое за действительное, а в партийном аппарате засело немало людей заскорузлых, с большим самомнением и манерой поучать»⁵.

Мне кажется, что этот юбилей института не был отмечен даже привычной в те годы Почетной грамотой. И это при том, что никакой публичной критики института, никакого неудовольствия его деятельностью и деятельностью его отделов не наблюдалось. Причины этому, вероятно, были, но публично не оглашались.

В конце 1980-х гг. НИИ культуры был предметом постоянно внимания инструктора ЦК КПСС Жуковой. В силу своей должности мне не раз доводилось в кабинете директора института В.Б. Чурбанова быть свидетелем телефонных разговоров с этим влиятельным лицом на Старой площади. Эти разговоры директор предпочитал вести стоя.

Что любопытно, всех перечисленных выше партийных руководителей называли исключительно по фамилиям и никогда по имени и отчеству, словно своих имен эти люди вовсе не имели.

Институтская повседневность

Технический прогресс проявляется не только в промышленности. Он заметен даже на примере соответствующего оснащения труда научного работника. В 1980-е гг. все это оснащение сводилось к индивидуальному письменному столу с неизменной тумбочкой для бумаг, настольному светильнику с лампочкой в 60 ватт и купечему набору канцелярских расходных материалов — коробочкам скрепок, флакончикам канцелярского клея, стопочкам писчей бумаги, папкам с завязками, карандашам и стирательным ластиком.

Компьютеров в нашем обиходе не было и в помине, хотя о наступлении компьютерной эры уже свидетельствовали входившие в обиход перфокарты.

Весь печатный материал, а его накапливалось немало, перепечатывали машинистки-надомницы. Как правило, перепечатка велась в 4-х экземплярах. Случались и опечатки. Поэтому немало времени уходило на так называемое «считывание», т.е. на исправление текста во всех полученных экземплярах.

При редактировании текстов верными спутниками были ножницы и клей. Поэтому рабочие варианты рукописей выглядели не очень-то опрятно и привлекательно.

Некоторые счастливцы имели дома персональные печатные машинки, что очень помогало аккуратно набирать научные тексты, делать необходимые выписки, отвечать на письма и пр.

В эти годы стали постепенно внедряться ксерокопировальные аппараты, или ксероксы. Однако доступ к ним был весьма ограниченным.

Изредка в качестве инструмента для представления наглядного материала служили незамысловатые проекционные аппараты. Слово «презентация» еще не вошло в широкий обиход.

Зарплата научных сотрудников отраслевого научного института была невысокой. Заведующий сектором кандидат наук получал 220–240 руб., научный сотрудник со степенью — примерно 200 руб., без степени — около 170 руб.

Однако привлекательность работы в институте определялась не численностью получаемых здесь денежных знаков, а той непривычной свободой, которой были напрочь лишены практически все советские служащие. Это дорого стоило! «Секрет» заключался в установленном здесь режиме работы, не требовавшем от сотрудников все дни

⁵ Сидоров Борис. Партийный аппарат конца 80-х. См. по адресу: <https://proza.ru/2013/08/31/581?ysclid=lmspzl69w9811167270> (ссылка последний раз проверялась 01.11.2025).

и часы рабочего времени находиться в помещении института. Исследовательская работа подразумевала и подразумевает работу с источниками, работа музееведа-исследователя требует изучения музейных фондов, экспозиций, архитектуры музейных зданий, изучения широкого круга научной литературы, в том числе изданий на иностранных языках. Всего этого в древнем «теремке» на Берсеневской набережной, естественно, не было.

Поэтому, сделав соответствующую запись в «Книге разъездов сотрудников», хранившейся у секретаря директора, можно было безмятежно работать в архивах, библиотеках, музеях. И, слава Богу, дирекции не приходило в голову обследовать все эти организации в поисках своих сотрудников.

Правда, курьезы с упомянутой книгой бывали. Анонимные шутники не раз вписывали сюда неподобающие адреса. К примеру, ничего не подозревающего сотрудника, составлявшего методические рекомендации по экспозиционной деятельности музеев по периоду развитого социализма, записывали в Музей коневодства...

Однажды книга попала на глаза бдительным сотрудникам из группы народного контроля. Энтузиасты-контролеры обзвонили центральные библиотеки. Выяснилось, что некоторые из направившихся туда для работы с 10.00 до 18.40 (такова была продолжительность рабочего времени) научных сотрудников в этих библиотеках даже не были записаны...

Словом, у недоброжелателей порою были основания назвать наш институт «Институтом культуры и отдыха». Вероятно, об этом не раз намекало и министерское начальство.

Однако вольный режим сохранялся многие десятилетия. Одним из залогов его сохранения была уму непостижимая теснота служебных помещений. Письменные столы стояли так близко, что между ними порою было трудно притиснуться. Даже негромкое общение друг с другом наполняло комнаты монотонным гудом, мешая сосредоточиться. Другим следствием перегруженности помещений была вечная духота, особенно заметная в зимнее время. Словом, все это мало походило на «храм науки».

У каждого сектора были свои дни «обязательного присутствия» в стенах института, когда выездная работа не допускалась. В эти дни шли научные заседания, заслушивались отчеты, устраивались политические информации, проходили партийные, профсоюзные и комсомольские собрания, общие собрания сотрудников института.

Дни зарплаты

Дважды в месяц вероятность увидеть какое-нибудь давно забытое лицо увеличивалась. Имеются ввиду, как нетрудно догадаться, дни получения зарплаты и аванса.

Уже с полудня принималось за свою работу местное «сарафанное радио». Сначала всех интересовало, уехала ли кассир за деньгами. На эту тему шел оживленный обмен мнениями.

Наконец следовало долгожданное заключение:
«Уехала!»

Наступала вторая фаза ожидания.

Доброхоты внимательно следили за крыльцом нашего здания. Попасть внутрь, минута это крыльце, было невозможно.

Прибытие кассира побуждало самых ретивых занять позиции у крошечного окошечка с небольшим прилавком. Вот уже стоит человек семь. Однако не следовало обольщаться, за каждым из них числилось немалое число «отошедших на минутку».

Постепенно очередь выходила за пределы одного коридора и перетекала в следующий. Наступало оживление, разгорались неминуемые в таких случаях разговоры. Пустовавшие было стены древних палат наполнялись сдержанным многоголосьем.

Только в этих очередях месяца за 3–4 можно было рассмотреть и даже послушать практических всех сотрудников, исключая членов дирекции, которые получали свое денежное довольствие в конвертах.

Именно в этих очередях у меня была возможность увидеть весь цвет тогдашнего институтского музееведения.

Партийные и профсоюзные собрания, политическое просвещение

Советскую эпоху невозможно представить без партийных, профсоюзных и комсомольских собраний. Со временем все они стали символами удручающего формализма, и всем, в том числе самим устроителям, было ясно, что все это планируется, организуется и проводится «для галочки».

Устроители стремились заполнить свою аудиторию до отказа. С этой целью во все без исключения закоулки палат Аверкия Кириллова заглядывал секретарь партийной организации, чуть не лично конвоируя найденных на очередное мероприятие. Деваться было некуда, поэтому самые искушенные спешили первыми занять самые хорошие места. Не следует думать, что это были первые ряды. Совсем напротив! Ценилась галерка. Тут одни читали газеты и журналы, другие вязали носки и варежки, третьи играли в морской бой, четвертые разгадывали ребусы и кроссворды, кто-то просто сладко дремал.

Российское музееведение теряло сотни часов рабочего времени квалифицированных научных работников. Сотни научных статей поэтому вообще так и не вышли в свет.

Разумеется, подобная практика касалась всех направлений исследовательской деятельности.

Научная работа, гнилые овощи и посольство Франции

Работа служащих государственных предприятий на овощных базах широко практиковалась в 1970–1980-е гг. Этот грустный обычай позднего советского периода не обошел и НИИ культуры.

Целые рабочие дни уходили на переборку гнилых овощей, на ликвидацию почерневших от гнили капустных листьев.

Была работа и более тяжелая. Например, разгрузка товарных вагонов с фруктами. Для многих научных сотрудников это оборачивалось тяжелыми заболеваниями.

Так что эта порочная практика в экономическом плане едва ли себя оправдывала.

Принудительные работы возникали не сами по себе, разнарядки приходили вовсе не из Министерства культуры РСФСР, из Октябрьского райкома КПСС. Никаких возражений на этот счет не допускалось.

По инициативе того же райкома научных сотрудников не раз пригоняли на строительство нового корпуса посольства Франции. «Малоквалифицированную» рабочую силу из кандидатов и докторов наук использовали для уборки строительного мусора. Основными орудиями выступали ломы, лопаты и ручные носилки.

Такие разные музееведы

Слово музеевед мало что говорит о специализации научного работника. Потому что очень мало музееведов «вообще». Гораздо больше музееведов «в частности». Другими словами, в рамках музеиной профессии давно сложились традиционные музейные специализации. И даже не столько по профилям музеев (исторические, литературные,

художественные, театральные, естественно-научные и пр.), а по направлениям музейной деятельности.

Представители каждого направления в глубине души считают именно свой профессиональный клан самым важным.

Особого рода самолюбие присуще работникам музеиных фондов. На это есть немало оснований. Только сотрудники фондовых отделов представляют в общих чертах колоссальный информационный потенциал того или иного музея, только они постоянно, а не эпизодически имеют возможность физически прикоснуться к каждому музейному предмету в любой его форме: вещественные и изобразительные источники, фонисторики или листовой материал, рукописи и книги. Никто так хорошо и наглядно не представляет материальный мир прошлого как музейщики-фондовики. Десятилетия работы в музеях превращают их в ходячие энциклопедии.

Признавая важность комплектования и изучения фондов, самыми главными в музее считают себя экспозиционеры. Действительно, только благодаря им музейные коллекции превращаются в общедоступное и привлекательное для многих миллионов посетителей зрелище. Действительно, музейные реликвии вне экспозиций и выставок не более чем склад чем-то интересных вещей. Это своего рода буквы, которые до поры до времени не составляют ни слов, ни предложений, не подчинены какому-то замыслу, какой-то концепции.

Наконец, представители третьего направления — это представители экскурсоведения и других форм работы с посетителями. Это тоже важная сфера. Потому что без посетителей музеи превращаются в изощренно подобранный источниковой базу, привлекательную скорее для десятков исследователей, чем для миллионов посетителей.

При ближайшем рассмотрении можно увидеть наличие углубленных специализаций внутри названных направлений: специалистов по хранению дерева, металла, керамики, стекла и т.п., специалистов по охране музейных фондов от любых форм внешнего воздействия, экспозиционеров, сосредоточенных на содержании того или иного раздела, экспозиционеров-дизайнеров и пр.

Между названными специалистами, вероятно, всегда были, есть и всегда будут противоречия, причем нередко достаточно острые.

Так, например, идеальной моделью учреждения наследия для фондовых работников является дифференцированная для разных типов и видов музейных предметов хранилище с исследовательскими функциями. Такая модель совсем не нуждается в экспозиции, ей совсем не нужны посетители и демократические формы работы с музейными коллекциями.

Идеальной формой для экспозиционеров предстает скорее не сам музей, отягощенный недоступными для понимания массовым зрителем функциями, а система просторных и насыщенных современными техническими средствами экспозиционно-выставочных залов.

Такое разделение было хорошо заметно в отделе музееведения. Визуально оно бросалось в глаза при проведении заседаний секторов, в повседневные дни — в коллективной трапезе в обеденный перерыв. Отдельно «столовались» фонды, отдельно — экспозиционеры, отдельно специалисты в области научно-просветительной работы. Образовывались тесно сплоченные кружки вокруг вороха баночек, коробочек и кулечков с едой, принесенных из дома заботливыми женщинами. В обеденный перерыв просторная комната отдела музееведения приобретала по-домашнему теплый и уютный вид. Из разных

уголков слышалось по-домашнему безмятежное позванивание чайных ложек о стенки фарфоровых кружек и чашек.

Вспоминая свою работу в НИИ культуры в 1970–1980-е гг., хочу подчеркнуть, что дирекция давала известную свободу секторам, практически не вмешиваясь в разработку тех или иных тем, не участвовала в обсуждении сборников научных трудов, не опускалась до оценки выполнения индивидуальных планов научной работы. Дирекция была уверена в высокой квалификации и добросовестности сотрудников каждого сектора.

В этом смысле в отделе музееведения была просто идеальная рабочая атмосфера. Сейчас, испытав на себе бесчеловечную систему эксплуатации, сложившуюся в 2010-е гг. в российской высшей школе (беспрецедентная нагрузка, бесчисленные надуманные бумаги (свыше всякой меры раздутые и витиеватые по форме рабочие программы дисциплин (РПД)), вечный страх руководства перед устрашающим лицом Рособрнадзора, побуждавший без конца проводить многомесячные проверки, аттестации, ежегодно проводить избрание преподавателей по конкурсу), считаю это суждение особенно убедительным.

Три директора

Александр Сергеевич Хануков, возглавлявший НИИ музееведения и охраны памятников в 1950–1960-е гг., почему-то в первую очередь запомнился серыми нарукавниками на резинках по самые локти. В то время это была довольно распространенная деталь, свойственная костюмам счетоводов. До 1970-х гг. понятия «нарукавник» и «бухгалтер» были неразлучны. Объяснялось это очень просто: вся финансовая документация велась при помощи обычных карандашей и перьевых ручек. При этом нередко случалось коснуться рукавами документа с еще не просохшими чернилами. Для предохранения от этого и служили нарукавники.

Насколько мне известно, Хануков никогда не работал бухгалтером, так что откуда у него возникла привязанность к нарукавникам, не вполне понятно.

А.С. Хануков бывал в институте ежедневно, но видели его нечасто. Он редко покидал пределы своего кабинета с видом на Москву-реку.

Не помню, чтобы хоть раз его лицо выражало тревогу, неудовольствие, расстройство. Всегда в добродушном настроении, чуждый начальственной чопорности, всегда приветливый со всеми Александр Сергеевич служил как бы собирательным символом Института музееведения 1950– 1960-х гг.

Директор общался преимущественно со своими замами и заведующими отделами. Несколько раз в году он занимал почетное место в президиуме разных совещаний и собраний и делал короткие доклады, сопровождавшиеся характерной только для него жестикуляцией.

Мне запомнилась первая встреча с моим первым директором. У меня в качестве лаборанта был первый или второй день службы.

Часов в одиннадцать утра открывается дверь, и на пороге показывается невысокий полноватый мужчина.

Окинув комнату хозяйственным взглядом, он вдруг обратился ко мне со словами:

— А вы, молодой человек, что тут делаете?

— Я тут работаю... Вот уже второй день!

— Надо же! — молвил незнакомец, закрывая за собою дверь.

Оказалось, это и был директор института. Неведение его объяснялось очень просто: приказ о моем зачислении в штат был подписан не им, а его заместителем по научной работе А.М. Разгоном.

В 1970 г. предстоящее появление нового директора не один месяц будоражило сознание сотрудников института. Кому не известно выстраданное столетиями наблюдение: «Новая метла по-новому метет?». На общем собрании коллектиvu была представлена молодая женщина, кандидат исторических наук Таисия Александровна Кудрина, выпускница Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Ничего страшного не произошло. Новый руководитель стал постепенно входить в курс дела, знакомиться с тематикой и научными сотрудниками.

Все сектора и отделы продолжали свою привычную работу. Новшеством стало проведение широкомасштабного социологического исследования «Музей и посетитель».

При Т.А. Кудриной не только не случилось никаких сокращений, но, напротив, появлялись новые подразделения и расширялись уже имевшиеся.

Рядовые сотрудники не раз удивлялись тому факту, что Таисия Александровна практически безошибочно называла всех по именам и отчествам. А ведь в это время в институте было примерно сто пятьдесят сотрудников.

Чем запомнилась Т.А. Кудрина? Умением внимательно выслушать каждого, с кем она вела беседу. При этом она всегда долго, не мигая, смотрела на собеседника широко открытыми глазами, как бы подчеркивавшими важность обсуждаемого вопроса.

Не помню, чтобы она занималась мелочной опекой отделов, секторов, а тем более—отдельных сотрудников. В моем присутствии она никогда не повышала голоса.

Создавалось впечатление, что музеи—не самые любимые учреждения директора. Вероятно, гораздо ближе и понятнее для нее были сельские учреждения культуры, особенно дома культуры и клубы. Возможно, именно этим, самым массовым очагам культуры, в годы директорства Т.А. Кудриной больше всего внимания уделяли вышестоящие партийные и государственные органы.

Несмотря на свою доброжелательность, Т.А. Кудрина все же имела в коллективе своего рода оппозицию. По разным причинам у нее складывались непростые отношения с заместителями—Г.Ф. Морщаковым, Е.С. Варичевым, старшим научным сотрудником С.Н. Плотниковым. Это были годы тлеющие конфликты, сопровождавшиеся дымом, но не доходившие до пламенного горения.

В 1990 г. доктор исторических наук профессор Т.А. Кудрина перешла на работу в Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Помню многолюдное собрание сотрудников НИИ культуры, проходившее в помещении церкви, вмещавшей в те годы в конференц-зал. На нем предстояло увидеть еще одного нового руководителя.

Нового директора, Вадима Борисовича Чурбанова, представил заместитель министра культуры РСФСР Владимир Васильевич Кочетков. Мы увидели невысокого щуплого человека в темном костюме и черной водолазке. До прихода в наш институт Чурбанов работал в области журналистики, учился в Академии общественных наук, возглавлял Главный информационно-вычислительный центр (ГИВЦ) Министерства культуры РСФСР. Так начался еще один этап истории института, а значит и отдела музееведения.

Фамилия Чурбанова, скandalно известного зятя Л.И. Брежнева, в ту пору была у всех на слуху. Оказалось, что наш новый директор был просто-напросто однофамильцем этой знаменитости.

У Чурбанова-руководителя был свой стиль поведения и руководства, больше походивший на армейский, нежели на академический. Ему всегда хотелось поскорее видеть яркие результаты работы. Что для этого делалось? На ответственные или «горячие» участки работы без долгих рассуждений бросались сотрудники любых отделов и секторов. Оказавшись на «военном» положении, они, приостановив работу по своим плановым темам, работали в составе временных творческих коллективов. Это напоминало положение приписных крестьян. Такая практика многим была не по нраву, но перечить было бесполезно и небезопасно. В биографии Чурбанова-руководителя были десятки конфликтных ситуаций.

Будучи доктором философских наук, профессором, В.Б. Чурбанов не раз прилюдно подчеркивал, что не относит себя к числу ученых. Вероятно, причиной тому был огромный объем организационной работы, не оставлявший времени на научные исследования.

Из-под пера В.Б. Чурбанова не вышли какие-либо фундаментальные исследования в области культуры. Зато его роль как катализатора такого рода исследований не вызывает сомнений.

Большой резонанс имели некоторые публикации директора НИИ культуры в популярных периодических изданиях, например, в «Огоньке». Статья «Принадлежит народу», насыщенная кричащими статистическими выкладками, действительно, побуждала задуматься⁶.

«По данным статистики,—констатировал автор,—оказалось, что в РСФСР в течение года не посещали театры 93 % колхозников и 77 % рабочих, а музеи—соответственно 96,5 % и около 85 %. Не хотели посещать? Дело не только в этом. В РСФСР из 1 014 городов 873 не имеют театров, а в целом по стране они есть только в 230 городах, где проживает лишь около трети населения Советского Союза. Подсчитано, что если в 1940 году на тысячу горожан у нас продавалось 1 300 театральных билетов, то в 1965 году уже 720, в 1975 году—602, в 1985-м—550, то есть в 2,4 раза меньше, чем до войны.

На 130 с лишним тысяч советских общеобразовательных школ,—продолжал В.Б. Чурбанов,—едва набирается 56 тысяч учителей музыки, да и из их числа многие имеют за плечами лишь детскую музыкальную школу. В РСФСР примерно в трети школ нет учителя рисования. Спрос на книги для детей удовлетворяется в стране лишь на треть. К тому же литературу у нас в школе “проходят” теперь на треть часов меньше, чем в 1940 году, и в несколько раз меньше, чем в некоторых зарубежных странах».

Цифры, действительно, яркие, впечатляющие, похожие на бенгальский огонь. «Бенгальский огонь» вскоре потонул в подшивках журнала, а критическое состояние российской сферы культуры так и не улучшилось.

Все попавшие в его поле зрения работы Чурбанов делил на три категории: «проходимка», «нетленка», «эпохалка». По этой классификации упомянутая выше статья в «Огоньке» имела шансы попасть в число «проходимок», поскольку не содержала глубокого анализа и, следовательно, не претендовала на научные выводы. От сотрудников же отдела музееведения директор с нетерпением ждал «нетленок» и даже «эпохалок», т.е. фундаментальных научных работ, способных долгое время сохранять свою актуальность.

В отличие от Т.А. Кудриной, В.Б. Чурбанов нередко интересовался конкретными результатами работы того или иного сотрудника. С этой целью он прочитывал колossalное

⁶ Чурбанов В.Б. Принадлежит народу // Огонек. 1988. № 7. С. 19–21.

число рукописей, причем делал это не в рабочее время, а дома. Поэтому, уезжая с работы на своем персональном автомобиле, он нес с собой пуды научных черновиков. Несудивительно, что по утру под его глазами повисали темные круги. Он обладал какой-то фанатической трудоспособностью. Рядом с ним просто невозможно было ничего не делать, или что-то делать с прохладцей.

Беседуя с сотрудниками отдела музееведения, Вадим Борисович не раз задавал один и тот же вопрос:

— Вот, вы работаете и работаете. Но кто о Вас знает?

Это была фраза, за которой всегда следовал призыв публиковаться в массовой печати, выступать по радио и телевидению.

— Рискованное предложение,— будь бы к этому времени жив, парировал бы упоминавшийся выше М.П. Симкин.

По инициативе В.Б. Чурбанова отдел музееведения несколько лет тесно сотрудничал с органами культуры г. Набережные Челны (Республика Татарстан). Успеху этой работы способствовали дружеские отношения директора с председателем городского совета народных депутатов Юрием Ивановичем Петрушиным. Имя этого авторитетного и всеми уважаемого руководителя открывало нам любые двери, снимало любые препятствия.

В 1984–1987 гг. в Набережных Челнах активно работал Вячеслав Леонидович Глазычев, руководивший в НИИ культуры отделом культурного потенциала городов.

За создание культурно-музейного комплекса в г. Набережные Челны ряд сотрудников отдела музееведения был награжден серебряными и бронзовыми медалями ВДНХ.

Уйдя из НИИ культуры, В.Б. Чурбанов перешел на работу в отдел культуры ЦК КПСС под начало Владимира Константиновича Егорова.

Давно уже нет ни отдела музееведения, ни Института музееведения и охраны памятников истории и культуры. Их нет, но все созданное их сотрудниками за несколько десятилетий, их научное наследие никому не по силам перечеркнуть или отменить. Это наследие, оставленное профессионалами своего дела,— неотъемлемая частица отечественного культурного наследия XX в.

Список литературы

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Архангельская область. Научный редактор и составитель А.И. Фролов. М.: НИИК, 1982. 231 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Карельская АССР. Научный редактор и составитель А.И. Фролов. М.: НИИК, 1977. 177 с.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Мурманская область. Научный редактор и составитель А.И. Фролов. М.: НИИК, 1983. 76 с.

Музей и власть: Сборник научных трудов. Отв. ред. С.А. Каспаринская. М.: [НИИК], 1991. Ч. 1–2. 323 + 191 с.

Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Редкол.: В.Л. Янин (пред.) и др. М.: Прогресс: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1–2. 414 + 434 с.

Фролов А. Мои Кижи конца шестидесятых // От первого лица (Сборник воспоминаний о Кижах). Петрозаводск: [Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»], 2016. С. 86–105.

Чурбанов В.Б. Принадлежит народу // Огонек. 1988. № 7. С. 19–21.

References

- Churbanov, V.B. Prinadlezhit narodu [A property of people], in *Ogonek*. 1988. Vol. 7. P. 19–21. (In Rus.).
- Frolov, A.I. (Ed.). *Materialy Svoda pamjatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Arhangel'skaja oblast'*. Nauchnyj redaktor i sostavitel' A.I. Frolov [The materials of full list of history and culture monuments of RSFSR: Archangelsk region. Ed. by A.I. Frolov]. Moscow: NIIK Press, 1982. 231 p. (In Rus.).
- Frolov, A.I. (Ed.). *Materialy Svoda pamjatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Karel'skaja ASSR. Nauchnyj redaktor i sostavitel' A.I. Frolov* [The materials of full list of history and culture monuments of RSFSR: Karelia ASSR. Ed. by A.I. Frolov]. Moscow: NIIK Press, 1977. 177 p. (In Rus.).
- Frolov, A.I. (Ed.). *Materialy Svoda pamjatnikov istorii i kul'tury RSFSR: Murmanskaja oblast'*. Nauchnyj redaktor i sostavitel' A.I. Frolov [The materials of full list of history and culture monuments of RSFSR: Murmansk region. Ed. by A.I. Frolov]. Moscow: NIIK Press, 1983. 76 p. (In Rus.).
- Frolov, A. Moi Kizhi konca shestidesjatyh [My Kizhi museum in the end of 1960^s], in *Ot pervogo lica (Sbornik vospominanij o Kizhah)*. Petrozavodsk: [Gosudarstvennyj istoriko-architekturnyj i jetnograficheskij muzej-zapovednik "Kizhi" Press], 2016. P. 86–105. (In Rus.).
- Kasparinskaja, S.A. (Ed.). *Muzej i vlast': Sbornik nauchnyh trudov* [A museum and power: Selected articles]. Moscow: [NIIK Press], 1991. Vol. 1–2. 323 + 191 p. (In Rus.).
- Yanin, V.L. (Ed.). *Rossijskaja muzejnaja jenciklopedija: V 2 t.* [Russian museum encyclopedia. In two volumes]. Moscow: Progress: RIPOL KLASSIK Press, 2001. Vol. 1–2. 414 + 434 p. (In Rus.).